

А.Б.Гофман

ЭМИЛЬ ДЮРКГЕЙМ В РОССИИ

**Рецепция дюргеймовской социологии в российской
социальной мысли**

Москва: ГУ-ВШЭ, 1999

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского Гуманитарного Научного Фонда. Номер проекта – 96-03-04075. Автор выражает благодарность Фонду за помощь в проведении данного исследования. Кроме того, автор выражает глубокую признательность коллегам по кафедре общей социологии Государственного Университета – Высшей школы экономики в Москве А.А.Воронину, Л.Г.Ионину, В.Л.Махначу, А.В.Пименову, К.В. Сорвину, которые прочитали рукопись работы и сделали ценные замечания в процессе ее обсуждения.

Содержание

Введение. Российская дюркгеймиана: общая характеристика

1. Оценка дюркгеймовской социологии в целом
  2. Рецепция дюркгеймовской теории разделения труда и социальной солидарности
    - § 1. Российская социальная мысль о разделении труда и социальной солидарности
    - § 2. Рецепция работы «О разделении общественного труда»
  3. Как была воспринята методология Дюркгейма
    - § 1. Отклики на «Метод социологии»
    - § 2. Российский «субъективизм» и дюркгеймовский «объективизм»
  4. Рецепция «Самоубийства»
  5. Оценка дюркгеймовской теории религии
  6. Дюркгейм и главные тенденции российской социальной мысли досоветской эпохи
  7. Советский и постсоветский Дюркгейм
- Цитируемые труды

Введение.

Российская дюркгеймиана: общая характеристика.

Творчество Эмиля Дюркгейма было хорошо известно в России еще при его жизни, то есть тогда, когда этот классик социологии еще не стал классиком. Именно в России впервые появились переводы его книг, здесь его идеи широко дискутировались в рецензиях, статьях и монографиях.

Между тем, в течение длительного времени для исследователей творчества французского социолога его российская известность оставалась, так сказать, неизвестной. Неизвестными оставались и масштабы, и характерные особенности “пребывания” дюркгеймовских идей в России. Вот некоторые примеры, свидетельствующие об этом.

Даже в самых полных библиографиях, посвященных Дюркгейму и его школе, русские издания его трудов и исследований о нем почти полностью отсутствуют. В частности, в обширной библиографии, помещенной в фундаментальной монографии английского социолога Стивена Люкса, из русских работ о Дюркгейме упомянуто лишь две: статья Ф.Е.Тележникова 1928 г. и восточно-берлинское издание книги И.С.Кона “Позитивизм в социологии” (1968), в которой одна глава посвящена рассмотрению взглядов французского социолога [см: 1, сс. 604,614; 2; 3].

В самой полной из существующих библиографий Дюркгейма и его школы, изданной И.Нанданом, отмечается, что первый полный перевод книги французского социолога появился на русском языке: речь идет об опубликованной в России в 1899 году книге “Правила социологического метода” (в русском переводе - “Метод социологии”)

[4, сс.XLIV, 229]. Но при этом другие русские переводы трудов классика, в том числе еще двух из четырех его главных книг (также впервые переведенных в России), не упоминаются. Что же касается российских работ о Дюркгейме, то в указанной библиографии они представлены теми же двумя вышеназванными работами Ф.Е.Тележникова и И.С.Кона [там же, сс.393, 421].

В 80-е годы положение начинает меняться. Была опубликована обзорная статья, специально посвященная рассматриваемой здесь теме [5]. Но содержащийся в ней беглый и краткий реферат лишь нескольких российских работ о Дюркгейме не дает сколько-нибудь полного и адекватного представления о предмете.

Автором настоящей работы была опубликована библиография трудов Дюркгейма, его школы и исследований о нем в России [6], но и она далеко не полна. К тому же библиография как таковая, очевидно, может способствовать изучению предмета, но не может, разумеется, заменить подобного изучения. Предмет, между тем, весьма обширен и чрезвычайно интересен с точки зрения истории социологии и социологии социологического познания.

Итак, из четырех главных книг Дюркгейма, изданных при жизни автора на его родине, три были вскоре опубликованы в России; это были их первые полные переводы на иностранный язык. В 1899 г. в Южно-Русском книжном издательстве Ф.А.Иогансона вышло первое книжное издание Дюркгейма за пределами Франции. Это была, как уже отмечалось, книга “Правила социологического метода” (в рус. пер. - “Метод социологии”), вышедшая во Франции в 1895 г. Качество перевода и полиграфического исполнения было весьма низким; тем не менее, это событие имело серьезное значение для тогдашней российской социологии. В следующем, 1900 г., в переводе

П.С.Юшкевича в России была опубликована докторская диссертация Дюркгейма, его первая книга “О разделении общественного труда. Этюд об организации высших обществ” (первое издание во Франции - 1893 г.) Наконец, в 1912 г. был опубликован русский перевод книги Дюркгейма “Самоубийство. Социологический этюд”, изданной во Франции в 1897 г. [7; 8; 9]. Для сравнения отметим, что в английском переводе перечисленные книги впервые вышли соответственно в 1938, 1933 и 1952 годах. Что касается последнего и самого значительного по объему из четырех главных трудов Дюркгейма, “Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии” (1912), переведенного на английский в США в 1915 г., то в России он целиком опубликован не был. По-видимому, его изданию помешала начавшаяся вскоре после его выхода во Франции мировая война, а рецепция социологии Дюркгейма после октября 1917 года уже не предполагала издания его произведений. Всего в дооктябрьской России было опубликовано семь работ французского социолога, включая политико-публицистические [помимо вышеназванных см.: 10; 11; 12; 13].

Из трудов ближайших последователей Дюркгейма, участников Французской социологической школы, изданных в России в дооктябрьские и первые послереволюционные годы, следует отметить семь публикаций Селестена Бугле, книгу Жоржа Дави “От кланов к империям” (1923), написанную совместно с египтологом Александром Море и изданную в сокращенном виде под названием “На заре истории” и статью Мориса Хальбвакса 1924 года “Возникновение религиозного чувства по Дюркгейму” [см. 14-22].

В рассматриваемую эпоху социология в России, так же как и в других странах Европы, еще только начинала внедряться в системе

высшего образования¹, поэтому главными каналами распространения дюркгеймовских идей стали книжные и журнальные публикации. Творчество Дюркгейма специально анализировалось в трудах выдающихся русских социологов: Н.К.Михайловского, М.М.Ковалевского, Н.И.Кареева, В.М.Хвостова, Н.А.Рожкова, П.А.Сорокина и др. Его работы рассматривались на страницах ведущих журналов самых разных направлений. Среди них: “Русское богатство”, “Русская мысль”, “Научное обозрение”, “Вопросы философии и психологии”, “Мир Божий”, “Богословский вестник” и т.д.

Даже влиятельная ежедневная газета либерального направления “Русские ведомости” откликнулась на книгу “О разделении общественного труда” тогда еще мало кому известного социолога сразу же после ее выхода во Франции. Публицист, философ и историк Виктор Александрович Гольцев (1850-1906) опубликовал в этой газете рецензию, содержащую сочувственное изложение книги Дюркгейма [23, с.3].

Необходимо подчеркнуть, что широкая, быстрая и энергичная реакция на труды Дюркгейма не была чем-то исключительным для российской социальной мысли второй половины XIX- начала XX вв. Таким же образом обстояло дело и с другими пионерами социологической мысли, в частности, Огюстом Контом, Гербертом Спенсером, Габриэлем Тардом, Георгом Зиммелем, и, конечно, Марксом, который несомненно был чемпионом популярности, положительной и отрицательной, то есть самым одобряемым или

---

¹ Первая кафедра социологии существовала с 1908 г. в открытом в том же году частном Психоневрологическом институте. Ранее, с 1901 г. курсы социологии

критикуемым социальным ученым. Напомним, что первые переводы трех томов “Капитала” впервые также появились в России (соответственно в 1872, 1885 и 1896 годах).

Очевидно, что, попадая на российскую почву, идеи названных и других мыслителей не просто “перенимались”, “усваивались” или “вливали”. “Рецепция” в данном случае означала отбор, интерпретацию, оценку и переработку определенных идей в соответствии с традициями, особенностями и актуальными тенденциями российской социальной мысли и российского общества. В этой связи воспринимаемые идеи играли не только “стимулирующую”, но и инструментальную роль: они использовались как дополнительное орудие, средство обоснования уже существовавших собственно российских социальных доктрин, устремлений и ориентаций.

Важно при этом иметь в виду, что рецепция различных направлений западной мысли на протяжении всего XIX в. и позднее была присуща отнюдь не только “западничеству”. В не меньшей степени она была свойственна и противоположным течениям, отстаивавшим “самобытный”, то есть антизападный или незападный, путь развития России, реальность и необходимость подобного пути. Известно, например, сколь важное значение для формирования славянофильства имели немецкая классическая философия и немецкий романтизм. Рецепция зарубежных социальных теорий, в той мере, в какой она целенаправленно не блокировалась государственной властью того времени, составляла неотъемлемую черту *всей* российской социальной мысли, а не отдельных ее направлений, так

читались в Русской Высшей Школе общественных наук в Париже (курсы Н.И.Кареева, Е.В. Де-Роберти, М.М.Ковалевского, В.М.Чернова).

же, впрочем, как это происходило в любой другой европейской стране.

Как воспринимались в этом контексте идеи дюркгеймовской социологии в России? Как они интерпретировались и оценивались? Что из них принималось, а что отвергалось, и почему? Как соотносилась рецепция этой доктрины с другими? Задача настоящей работы - попытаться ответить на эти вопросы с позиций истории социологии и социологии социологического познания.

1. Оценки дюркгеймовской социологии в целом.

Сам Дюркгейм, как и Маркс до него, не рассматривал Россию в качестве объекта и адресата своих социологических теорий. В “Самоубийстве” он отмечает, что “Россия пока является европейской страной лишь географически...” [1, с.24]¹. Правда, это суждение, высказанное мимоходом, не имеет для него самостоятельного значения. Учитывая контекст этого суждения, можно полагать, что оно, вероятно, было призвано просто объяснить или оправдать тот факт, что самоубийства в России оказались вне поля его рассмотрения, что в свою очередь объяснялось тем, что он не располагал соответствующей российской статистикой.

---

¹ Перевод этого фрагмента нами уточнен по [2, с.13]. Любопытно сопоставить это суждение со следующим высказыванием В.О.Ключевского: “Исторически Россия, конечно, не Азия; но географически она не совсем и Европа. Это переходная страна, посредница между двумя мирами. Культура неразрывно связала ее с Европой; но природа положила на нее особенности и влияния, которые всегда влекли ее к Азии или в нее влекли Азию” (3, с.65). Таким образом, в отличие от Дюркгейма, Ключевский считает Россию европейской страной как раз не в географическом, а в культурном отношении.

Как и большинство европейских социальных ученых, Дюркгейм имел весьма туманное представление о российской социологии, которая, по-видимому, представлялась ему явлением в каком-то смысле экзотическим. Правда, он был знаком с трудами Е.В.Дероберти, Я.А.Новикова, П.Лилиенфельда и М.М.Ковалевского. Все они подолгу жили в Европе, публиковали там свои труды и активно сотрудничали в “Международном Институте социологии” и журнале “Международное социологическое обозрение” в Париже. С Ковалевским Дюркгейм был знаком лично. Он состоял в переписке с молодым П.А.Сорокиным; во всяком случае сохранилось одно его письмо Сорокину, датированное 4 июня 1914 г.[4, сс.120-124].

Дюркгейм знал о самом факте русских переводов его работ и об интересе к ним в России.¹ Но дальше этого его информированность, по-видимому, не распространялась, и о том, как именно воспринимались и оценивались его труды в этой “чисто географически” европейской стране он скорее всего не знал. Такого рода предположение с большим сожалением высказывал еще его современник, выдающийся социолог и историк Н.И.Кареев: “...Едва ли Дюркгейм когда-либо сам узнает о существовании критической статьи Михайловского (см. о ней ниже - А.Г.), посвященной его книге “О разделении общественного труда”, а между тем из всех критик, какие доселе были вызваны этим трудом Дюркгейма, самая сильная и глубокая принадлежит именно названному русскому социологу” [6, с.396].

Оценки воззрений Дюркгейма варьировали в соответствии с собственными позициями представителей того или иного

---

¹ Помимо упомянутого письма Сорокину об этом свидетельствует его письмо Селестену Бугле от 9 мая 1899 г. (см.5, с.432).

направления в русской социальной мысли. В целом популярность Дюркгейма была ниже популярности таких его современников, как Спенсер, Тард или Зиммель. В какой-то мере это проявилось в количестве изданий трудов названных авторов, хотя, разумеется, число публикаций в данном случае выражало не столько степень популярности, сколько другие обстоятельства, в частности, литературную плодовитость самих авторов. По данным И.А.Голосенко и А.С.Скореходовой, до Октябрьской революции, Спенсер в России издавался 41 раз (включая два собрания сочинений). До 20-х годов было опубликовано 18 работ Тарда и 30 работ Зиммеля [7, сс.62-67, 67-68, 33-35] (правда, некоторые из последних относились не собственно к социологии, а к философии, философской эстетике и истории искусства). В сравнении с этими данными 7 публикаций Дюркгейма выглядят довольно скромно.

Многие социологи в России оценили Дюркгейма как тонкого аналитика, стремящегося строить социологическое знание на эмпирическом фундаменте, но не как оригинального мыслителя, прокладывающего новые пути в социальной науке. Такой же первоначально была его оценка и в США, где он был воспринят как фигура второстепенная в сравнении с Тардом. Имя Дюркгейма фигурировало в различных статьях, обзорах, рецензиях, монографиях, учебниках, энциклопедиях как одно из примечательных имен в современной социологии наряду со многими другими.

Такие ведущие русские социологи, как Е.В.Де-Роберти, М.М.Ковалевский, Н.И.Кареев, не сочли вклад Дюркгейма в социологию новаторским. Е.В.Де-Роберти, причислявший себя к “неопозитивной школе”, и М.М.Ковалевский отмечали приоритет “социологов неопозитивной школы” в разработке социологической

теории познания, сформулированной в “Элементарных формах религиозной жизни”. В сборнике “ Новые идеи в социологии”, вышедшем под их редакцией и включавшем в себя фрагмент из дюркгеймовских “Элементарных форм”, они подчеркивали, с одной стороны, вторичный характер идей французского социолога, неудачный характер отступлений от “известных тезисов неопозитивизма” и недостаточную ясность изложения, с другой - присущие ему “тонкие изгибы аналитического мышления”, трудоспособность и плодovitость. “Откуда бы ни заимствовал Дюркгейм свои основные положения и исходные точки, важно и ценно то, что он с редким усердием и большой тщательностью прилагает их к разработке огромной массы сырых фактов, голых эмпирических данных” - писали редакторы сборника. [8, с.27, прим.].

Евгений Валентинович Де-Роберти (1843-1915) был одним из пионеров российской социологии и одним из немногих русских социологов, известных на Западе. Либерал, вынужденный эмигрировать вследствие политических преследований российских властей, он довольно долго жил в Париже и публиковал там свои труды. Вероятно, он был первым в мире автором, опубликовавшим книгу, озаглавленную “Социология”[9]. Де-Роберти утверждал, что “Дюркгейм и его школа сводят все к экономическому... процессу разделения труда...” [10, сс.77-78], что было, конечно, явным недоразумением, поскольку Дюркгейм рассматривал разделение труда как разделение и специализацию социальной деятельности, в самом широком смысле слова, включая и неэкономические аспекты. Он упрекал Дюркгейма также за то, что в статье “Социология и социальные науки”, написанной совместно с П.Фоконне, он дробит единую социологию на ряд частных социальных наук, что авторы “изо

всех сил стараются доказать, что не существует никакой общей социологии вне или помимо того множества частных социологий, неясную и неполную номенклатуру которых они и дают нам” [там же, с.262] (этот упрек также был не очень убедителен, так как Дюркгейм признавал значение общей социологии, а необходимость дифференциации социологии на отдельные отрасли в то время уже выглядела вполне обоснованной).

Максим Максимович Ковалевский (1851-1916) был одним из наиболее влиятельных русских социологов. Будучи, как и Де-Роберти, либералом, членом конституционно-демократической партии, он также провел ряд лет в вынужденной эмиграции. Ковалевский играл видную роль в европейской социологии благодаря своим трудам и организаторской деятельности, являясь членом (одно время - президентом) Международного Института социологии, редколлегии журнала “Международное социологическое обозрение” и Парижского социологического общества. Он был лично знаком со многими видными социальными мыслителями разных стран, в том числе, с Марксом и Дюркгеймом.

В своей книге “Современные социологи” (1905) Ковалевский объединил теорию Дюркгейма с теориями Л.Гумпловича и Г.Зиммеля, рассмотрев взгляды этих социологов в одной главе. Отмечая обширное знакомство Дюркгейма с фактическим материалом, гибкость и тонкость его мышления, он указывал на то, что идеи, изложенные в дюркгеймовской работе “О разделении общественного труда”, не могут считаться вполне оригинальными. По его словам, в книге Зиммеля “Социальная дифференциация” “можно найти целиком основную теорию, развитую впоследствии Дюркгеймом” [11, с.135].

Ковалевскому импонировало положение Дюркгейма об определяющем влиянии объема и плотности населения на развитие разделения общественного труда, созвучное его собственным идеям. Ему близки были этнографическая ориентация французского социолога в “Элементарных формах религиозной жизни”, использование им сравнительно-исторического метода, что соответствовало программе создания “генетической социологии”, которую разрабатывал сам Ковалевский. Но в своем обзоре современной французской социологии, опубликованном в 1913 г., он утверждал, что в нынешнем столетии в ней невозможно отметить ничего “поистине нового”. Последним открывателем, с его точки зрения, был Тард с его учением о междуумственном взаимодействии и подражании нововведениям; но и он “только придал большее значение давно известному явлению, без которого, очевидно, немислим был бы самый поступательный процесс развития общества или так называемый прогресс”. [12, с.339].

Николай Иванович Кареев (1850-1931), выдающийся социолог и историк, сторонник “субъективной школы” в русской социологии, в своем учебнике “Введение в изучение социологии” (первое издание - 1897 г.), в котором рассматриваются социологические теории конца XIX в., лишь упоминает работу Дюркгейма “Правила социологического метода” [6, с.224], хотя проблеме метода в социологии в ней посвящена целая глава.

Некоторые русские социологи квалифицировали взгляды Дюркгейма как новую разновидность социологического органицизма. Так Кареев причислил французского социолога к “органическому направлению” вместе со Спенсером, П.Лилиенфельдом, А.Шеффле, А.Фулье и Р.Вормсом [там же, сс.76-294]. Одновременно он

подчеркнул отличие дюркгеймовской теории от воззрений принадлежащих к этому направлению “биологистов”, а именно, “психологический характер его теории” [там же, с.294]. Учитывая, что речь в данном случае идет о ранней фазе творчества Дюркгейма, на которой он еще в значительной степени находился под влиянием Спенсера, А.Шеффле и А.Эспинаса, его отнесение к своеобразной разновидности органицизма имело под собой серьезные основания.

Николай Константинович Михайловский (1842-1904), один из главных представителей “субъективной школы” в русской социологии, идеолог народничества и “властитель дум” своего времени, откликнулся на идеи Дюркгейма двумя статьями в 1897 г. [13; 14]. В них он, как и Кареев, причислил французского социолога к “органическому направлению”. При этом он отметил, что, в отличие от других органицистов, Дюркгейм не злоупотребляет более или менее остроумными аналогиями между органами и функциями организма, с одной стороны, и общества, с другой: “Он имеет в виду лишь общую тенденцию социального развития по типу развития органического и к детальным аналогиям прибегает лишь для наглядного пояснения своей мысли” [13, с.66].

С.Штейнберг в своем обзоре состояния современной социологии (1900г.), подвергнув критике ряд положений теории Дюркгейма, охарактеризовал его как “выдающего представителя социологического реализма” [15, с.245]. Подобно Карееву и Михайловскому, он также рассматривал взгляды французского социолога как сочетание специфической разновидности органицизма и психологизма [там же, с.246].

Таким же образом квалифицировал социологию Дюркгейма и К.М.Тахтарев [16, сс.86,90; 17, сс.94-95].

Известный социолог и историк Н.А.Рожков (1868-1927) высоко оценил теоретическую позицию Дюркгейма, которую он охарактеризовал как “принцип относительности” в гуманитарных и социальных науках. Этот принцип (впрочем, открытый, с его точки зрения, до Дюркгейма) он противопоставил тенденции к конструированию абсолютного идеала человеческой личности, тенденции, свойственной “субъективной школе” в русской социологии, в частности, Н.К.Михайловскому [18].

Имя Дюркгейма фигурировало в наиболее известных российских энциклопедиях начала века: в “Энциклопедическом словаре” издательства Гранат и в “Новом энциклопедическом словаре” Брокгауза-Ефрона. Статья в первой из них представляет собой, помимо краткого перечня биографических сведений, не очень адекватное изложение дюркгеймовской работы “О разделении общественного труда”; работы “Правила социологического метода” и “Самоубийство” только называются, но никак не характеризуются [19].

Статья в энциклопедии Брокгауза-Ефрона написана выдающимся русским социологом Питиримом Александровичем Сорокиным (1889-1968), который вообще из всех русских социологов выше всех оценил творчество Дюркгейма. В указанной статье он квалифицировал Дюркгейма как одного из виднейших представителей “реалистической” теории, признающей общество реальностью особого рода, отличной от суммы составляющих его индивидов. Сорокин отметил такие черты творчества французского социолога, обеспечившие ему “вполне заслуженную мировую известность” и “научное имя перворазрядного социолога”, как “ясность, последовательность и оригинальность мышления, обширная